

руч-2
«Восточное обозрение», 1900. 14 мая, №106,
с. 2, 3.
Иркутск,

В Иркутскую Канцелярию

Журнальное Обзорение.

Неоднократно приходилось мне пробовать журнальные обзорения наших провинциальных газет и всегда какое-то чувство не то досады, не то неудовольствия оставляли они во мне. В самом деле, на пространных каких-нибудь трех-четыре-сот строк журнальный обозреватель касается целого ряда произведений, передает их содержание и даже характеристику их-которых действующих лиц. И было мне, за малыми исключениями, всегда и больно, и стыдно за обозревателя. Ты ли требованья предъявляешь к нему читатель? Удовлетворяешь ли он запросам его духа? Выполняет ли он свою общественную обязанность? И еще много других вопросов проносилось во моей голове и на все эти вопросы я должен был давать почти всегда одни отрицательные ответы. Происходило это потому, что наши журнальные обозреватели брали (и теперь берут) на себя непосильную да к тому же и безплодную работу. Непосильна она потому, что из предельно одного, двух фельетонов невозможно отягчить хотя бы один

выдающийся произведение нашей текущей литературы, передать, хотя бы и вкратце, их содержание. Мысль, сжатая в предельно фельетонной рамки уродуется и часто, если не всегда, но истинно прекрасные произведения в передаче обозревателя утрачивают всю свою прелесть, твой колорит, художественные красоты, своеобразный язык, и у читателя остаются только воспоминания о восторгах или порицаниях обозревателя. Заинтересовать читателя тем или другим произведением,— а это одна из главных задач обозревателя,—ему не удастся, т. к. в силу своей ложно-понимаемой обязанности он скользит по волнам литературного моря и когда читатель ждет от него трезвого слова, освещения—он пристаёт к берегу. И класть газету читатель с какими-то недоумениями, сейчас же забывая прочитанное. Можно ли поставить в вину читателю, что он только «почитывает», если и сам писатель небольшие, как «почитывает»? Обязанность обозревателя, по нашему мнению, состоит не в том, чтобы отягчить все, или большую часть, а обращать внимание читателя на те, сравнительно, редкие

произведения, которые должны быть выделены из сравнительно огромного для среднего читателя, литературного хлама. Но этого мало. Журнальному обозревателю еще долго, очень долго нужно быть публицистом, т. е. обращать внимание читателя на общественные явления, говорить больше «по поводу», чем о самом произведении. И самые произведения приходится оценивать с точки зрения их общественной пользы, т. е. по сколько они затрагивают общественные вопросы.

Понимая обязанность обозревателя в вышеизложенном смысле, т. е. в смысле приучения читателя к обобщениям, к общественному мышлению, я и намерен в ближайших обзорениях выполнить эту задачу. На сколько она мне удастся, это будет зависеть от моих сил, о размерах которых читатель сумеет судить сам.

Предо мною лежат грома куча книг: это—номера журналов за текущий год. Тут и корректный «Вестник Европы», тут и эклектичная «Русская Мысль», тут и орган наших этических социалогов—«Русское Богатство», и марксистские журналы:

Журнальное обозрение

Мас. 1014₁

«Жизнь», «Мирь Божий» и «Научное Обозрение». Я не говорю уже о тощих по объему, но довольно содержательных тетрад. баснословно-дешевого «Журнала для всех» и о новых книжках, заключающих в себя произведения Горького, Чирикova и др. Но несмотря на все это обилие печатного материала, несмотря на всю импозантность имен Боборыкина, Станюковича, Баранцевича, Потапенко et cetera, из всей груды журнальной литературы можно выделить лишь два произведения: это — «В оврагъ» — Чехова и «Мужикъ» — неоконченные очерки Горького. Оба эти произведения помещены в журнал «Жизнь». До прошлого года журнал этот влечил довольно жалкое существование. Его мало кто читал, да и читать было нечего. С переходом же этого журнала в руки нынешней редакции в нем забила настоящая жизнь. Он как то сразу завоевал себе симпатии общества и это было в такой неблагоприятный для него момент, когда на бедном журнале нашем литературный горизонт появилось «Начало», так долгожданное нашим обществом, приветствовав-

ние и разорь основ буддийской фило-

шим его появление больше, чем с радостью.... И должно сознаться, что успех «Жизни», вполне заслуженный. Я далек от мысли, что он лишен дефектов, и даже крупных, но из существующих опытов журналов он является одним из наиболее живых.

Правда, «внутренний отбъ» из нем довольно сильно хромает, особенно ощутительно отсутствие таких писем из провинции, которые украшали «Новое Слово» и «Начало», но за то в «Жизни» не удълено так много мѣста вопросам теоретическо-политической экономии, которые доступны очень ограниченному числу лиц и которым мѣсто было бы в «Научномъ Обозреніи», куда, впрочем, наши экономисты и перекочевали. Но мнѣ давно пора вернуться къ повѣсти Чехова.

Содержаніе небольшой повѣсти нашего симпатичнаго пессимиста, какъ и всегда, отличается чрезвычайной протостой и несложностью. Тѣмъ болѣе замѣчательна свойственная ему способность затрагивать самые болѣе важные вопросы русской дѣйствительности. На этотъ разъ Чеховъ переноситъ насъ въ неболь-

2

отмывается подной забывчивостью и просит
ное село Уклеево, лежащее «въ
оврагѣ», въ которомъ и разыгры-
вается мѣщанская драма. Не та
драма, читатель, гдѣ существуютъ
«герои», которые борются со своими
страстями, гдѣ та или иная коллизія
своею величественностью или
эффектностью заставляетъ содрагаться.
Нѣтъ, здѣсь все мелко, грязно,
пошло и именно въ глубинѣ этого
нравственнаго и духовнаго паденія
дѣйствующихъ лицъ и лежитъ весь,
далеко не эффектный, но богатый
мрачными для общественнаго про-
гресса послѣдствіями драматизмъ.
Характерно само мѣсто дѣйствія.
Село Уклеево, это—не изъ тѣхъ
сель, до котораго сто лѣтъ скачи не
доскачешь: оно лежало вблизи
шоссе и желѣзнодорожной станціи.
Его даже коснулся «рычагъ про-
гресса»—капитализмъ, въ видѣ трехъ
ситцевыхъ фабрикъ и одной коже-
венной. Но ни желѣзная дорога,
ни фабрики—эти могучіе факторы
прогресса—не могли поколебать
того уклада, который складывался
десятками и сотнями лѣтъ и кото-
рый поддерживался общимъ Россіи
укладомъ. Жизнь села была такъ
бѣдна, что самымъ важнымъ со-
бытіемъ, случившимся за послѣднія
десять лѣтъ, былъ фактъ, рассказывае-
мый о давно умершемъ дьячкѣ,

Влахъ. Когда былъ докторъ Боровковъ.

стѣвшемъ какъ-то разъ на похоро-
нахъ всю пѣру. Благодаря лишь
тонкому анализу автора, соединен-
ному съ богатою наблюдательностью,
мы видимъ, что жизнь этого глу-
хого угла совѣсть не такъ бездѣль-
на, что она преподноситъ намъ бу-
кетъ событій и отношеній, отъ за-
пахъ котораго приходится содрагаться.
А «букетомъ» въ данномъ случаѣ
служитъ семья енифанскаго мѣща-
нина Цыбукина, мѣстнаго богача-
кулака, торфовавшаго и безсовѣстно
падувавшего населеніе. Кулакъ-мі-
рофѣй, это—теперь нѣчто неотъемле-
мое отъ понятія деревни. Жизнь
семьи Цыбукина, этого паразита дер-
ви, вполне достойна вниманія читателя.

Вся семья богатѣя проникнута
однимъ чувствомъ—чувствомъ па-
живы, живетъ однимъ культомъ жи-
вотнымъ. Идутъ дни, недѣли, годы,
совершаются міровыя событія, чело-
вѣчество волнуется сотнями вопро-
совъ, а Цыбукины заняты все од-
нимъ: они ѣдятъ, пьютъ и обираютъ.
Ничто не нарушаетъ ихъ покоя. Все
обезпечено, все спокойно: и уряд-
никъ «ублагодотворень», и мужички
въ кабалѣ, и «торговля» бойко
идетъ. Но ничто не вѣчно подъ-
луною и спокойному обираію па-
ступаетъ конецъ. Анисимъ, сынъ
Цыбукина, служившій въ ближай-

мельницею, базарною площадью и проч.

ишемъ городъ агентомъ сысской полиціи, попадаетъ за фабрикацію и сбытъ фальшивой монеты и уходитъ въ каторгу. Этотъ фактъ всколыхнулъ стоячее зловонное болото и на его поверхность выплываютъ одни факты возмутительнѣе, подѣе другихъ. Конечно, Анисима толкнула на его преступленіе та же жажда наживы на чужой счетъ, которая обуревала всѣхъ членовъ семьи кулака, за исключеніемъ его второй жены Варвары, благотворительность которой служила громоотводомъ отъ «краснаго пѣтуха». Не Анисимъ виноватъ. Виновата та атмосфера, въ которой онъ жилъ сызмальства. Эта-же атмосфера толкаетъ на преступленіе и невѣстку старика Цыбукина—Аксинью, на столько вошедшую во вкусъ обиранія, что она затыкается за поясъ своего учителя, старика Цыбукина, который не наглядится на невѣстку, не пнтай впрочемъ никакихъ снохаческихъ вожделѣній. Старикъ Цыбукинъ сызкою сына пораженъ, онъ теряетъ свое самообладаніе, не ѣсть, не пьетъ и всѣ деньги кажутся ему фальшивыми. Последнее объясняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что Анисимъ, женившійся незадолго до ареста на бѣдной, забитой, безотвѣтной сиротѣ Липѣ, въ день свадьбы

чу и гадюкоранда.

одарилъ всѣхъ, по установленному обычаю, серебряными деньгами, которыя оказались фальшивыми. Старикъ, не то мучимый предчувствіемъ скорой смерти, не то обвиняющій себя въ томъ, что не достаточно старался спасти сына отъ каторги, составляетъ завѣщаніе, по которому мѣсячному внуку своему, сыну безотвѣтной Лины и Анисима, отказывается то самое Бутекино, на которомъ Аксинья, его невѣстка, послѣ долгихъ ссоръ со старикомъ, устроила кирпичный заводъ, на который она смотрѣла, какъ на свою неотъемлемую собственность. Узнавъ о содержаніи завѣщанія, Аксинья устраиваетъ «сцену», даже больше—скандалъ. Собственно она не «устраивается», а дѣйствительно негодуется: всѣ ея планы разбиты и тѣмъ? Нищей, ничтожной Липой. Въ гнѣвъ она хватается ушатъ съ кипяткомъ и обвариваетъ ребенка, который неслеромъ-же умираетъ, а Лина изгоняется ею-же изъ дому. Вотъ все довольно несложное содержаніе повѣсти. Конечно, есть въ ней мнѣ деталей дорисовывающихъ щущую картину и усугубляющихъ тягостное впечатлѣніе. Такимъ является фактъ подачи на улицѣ нищаго Липой, своему голодному спекру, о которомъ всѣ въ домѣ забываютъ.

ОТЪ ГЛУБОКИХЪ И ЖИВЪХЪ ЦВѢТЪХЪ ЖИЗНИ

Грустная, безотрадная картина нарисована г. Чеховымъ. Изъ его «овраговъ» несетъ трупнымъ запахомъ, иѣтъ, больше: вѣдь это—люди, вѣдь они не умерли, а живутъ. Вся безотрадность именно въ фактъ сознанія, что они живутъ, что они насосались крови и сосутъ ее, что, прижимаясь, грабятъ, обворовываютъ, обманываютъ, они, не теряя человеческого образа, начинаютъ совершать преступленія, уже предусмотрѣнные законами. Не правда ли, страшно, читатель? Страшно не за человека, а за русскаго человека за русское общество. Вѣдь когда-нибудь свѣтъ проникнетъ во всѣ овраги и щели, когда-нибудь вѣдь волна жизни всколыхнетъ всѣ стоячія болота и вынесетъ на поверхность жизни все, что таится глубоко, прячется подъ стѣною закона. И будемъ мы поражаться людскостію, грубымъ и утонченнымъ, совершаемымъ, подобно людскіимъ Аксиньи «съ наивною улыбкою на устахъ». И будемъ мы удивляться, забывая, что когда-то на нашихъ глазахъ «въ оврагахъ», «въ долинахъ межъ горъ» и въ городахъ происходило многое такое, что не находило кары не только въ «зюженіяхъ», но даже и осужденія большинства.

Маркъ Подольскій.

← И. С. Олѣмина

Изд. Моск., II, с. 350.

Эльзетт

отвѣтъ, 30

30 не Олѣмина